

вах.

“В наше время, – пишет Романова, – литература о животных, можно сказать, завоевывает мир. ”Животное – тоже человек!” – приблизительно так кричат эти книги. И моя книга кричит о том же”.

Критик Б. Камянов писал: “Надо сказать, что после Пришвина, Паустовского, Казакова наша проза больше склонна черпать у природы аргументы в пользу экологически грамотного к ней от-

ношения, чем приклонить слух к ее не очень разборчивым голосам. Практицизм проповедничества заметно потеснил духовную пытливость”. В творчестве же Н.И. Романовой очень различима струя духовной пытливости и тонкий слух к голосам природы.

Очень хочется пожелать Наталье Игоревне Романовой в ее юбилейный, но тяжелый год потерь близких – выстоять и найти силы для жизни и твор-

*Редакция «ШТБ» поздравляет Наталью Игоревну Романову с юбилеем!
Благодарим Вас, Наталья Игоревна, за замечательные книги,
уважающие ЛЮБИМЦЕ МИР и написанные пленительно и просто.*

С. ФРЕЙТАГ
г. Санкт-Петербург

Выбор предмета беседы о книгах

К 90-летию со дня рождения Виктора Юзефовича

Иногда кажется, что о литературе для детей можно говорить почти все, что заблагорассудится, лишь бы самому взрослому было интересно говорить с детьми о ней. Эта точка зрения утверждается особенно теперь, когда официально провозглашен социальный заказ на творческую, свободную в самовыражении личность. **Соответствие официального социального заказа истинному положению вещей заслуживает отдельного рассмотрения. Сами дети одобряют беседу педагога детского чтения о том, что беспокоит и интересует его на равных с ними.** Одобряют, в частности, потому, что им интересно оказаться включенными в процесс познания взрослых, увидеть на практике преимущества образованного сознания и мышления взрослого человека. Главный вопрос заключается в том, что служит предметом беседы, а ее форма, цель и задачи определяются ответом на этот вопрос.

Каково же обычно содержание беседы? Мы определяем авторскую задачу и раскрываем ее детям, сообщаем наше мнение о социально-психологической проблеме произведения и т.д. **Причем, естественно, мы, подчас даже неосознанно, выбираем для такого анализа как раз такие**

произведения художественной литературы, в которых авторская задача не лежит на поверхности. Так, например, в рассказах Н. Носова описываемые ситуации ясны и понятны. А вот рассказы В. Драгунского – это совсем другое дело. Никто, наверно, не смог бы пройти мимо этой прекрасной лирической прозы для детей. Весь вопрос лишь в толковании этой прозы. А это толкование не всегда бывает точным и адекватным.

Иногда рассказ “Он живой и светится” трактуется как история о двух мальчиках, один из которых, Дениска, любил животных и вообще природу, а другой, Мишка, больше любил технику. Поэтому Мишка поменял пойманного им светлячка на игрушечный самосвал. И оба остались довольны обменом. Такого рода ошибки непонимания самого сюжета довольно распространены.

Но сейчас хотелось бы подробно остановиться не на элементарных ошибках, а на более существенных, на ошибочности самого подхода к анализу произведения детской литературы, как к анализу исключительно его сюжета.

Предположим, что беседа будет посвящена рассказу В.Ю. Драгунского “Он живой и светится”.

Рассмотрим два необходимых среза данного произведения и их недостатки. Так как эти два среза будут несколько ущербны, то их названия условны и приведены в кавычках.

Первый срез «литературоведческий». Библиотекарь знакомится с биографией писателя, узнает, какими профессиями, умениями он владел, каких исторических событий он был свидетелем и участником, какие конфликты он считал основными и т.д. Изучает литературоведческие работы о нем. Прочитывает несколько произведений этого автора, чтобы проникнуться его духом и стилем. Штудирует конкретный рассказ, особое внимание обращая на светлячка, так как о нем говорится в заглавии. Чувствуется, что светлячок важен не столько сам по себе, сколько как символ чего-то. Что символизирует, замещает это насекомое? Для чего автор ввел его?

Чтобы узнать это, библиотекарь обращается к творчеству других писателей-современников изучаемого прозаика. Например, к стихотворению В. Берестова, посвященному светлячку. В этом стихотворении говорится, что свет светлячка напоминает поэту о детстве, слишком рано закончившемся в войну. Может быть, это представление близко и Драгунскому, детство которого тоже прошло в тяжелые для страны годы. На военной теме в творчестве Драгунского библиотекарь строит свое размышление и беседу. Получается очень важный разговор, уместно даже его приурочить к Девятому мая. Детям, возможно, он понравится своей нестандартностью.

Второй срез «психологический». Библиотекарь переводит сюжет на «психологический» язык. Получается примерно вот что. Находясь в тревожном состоянии по причине долгого отсутствия мамы, Дениска сидит на быстро темнеющей улице. Его друг приносит ему светлячка, который обладает весьма большой ценностью для Дениски. Даже большей, чем подаренный отцом самосвал, потому что светлячок – чудо, так как «он живой и светится». Таким образом, получается, что это рассказ о

В. Драгунский

людях с различными ценностями. При этом различие в системах ценностей не мешает мальчикам дружить. Можно подчеркнуть, что Мишка хоть и не разделяет взглядов Дениски, но все же понимает, чувствует, что Дениске нужно, поддерживает в трудную минуту. Разговор о «мирном сосуществовании» может быть интересным и очень важным.

В чем же недостаток обоих этих срезов? В том, что мы вроде бы говорим о Драгунском, а вроде бы и не о нем, а о сущности бытия, как понимаем ее мы. Утилитарность обоих подходов не позволяет раскрыть красоту не только самого произведения, но и того, о чем говорится. И все же без этих предварительных срезов, может быть, и не удастся по-

чувствовать, в чем же заключается стиль и дух Драгунского, его пафос и идеал.

Почему светлячок – это чудо? Потому что он как звездочка. Только настоящие звезды сияют где-то далеко, в бесконечной холодной дали, а светлячок светит на ладони и тем свидетельствует о гармонии прекрасного мира. А раз мир прекрасен – значит, все в нем будет хорошо. И мама с папой обязательно вернутся домой, и они всей семьей будут пить чай с булками и брынзой. Бесконечность пространства ассоциируется у Дениски с разлукой, поэтому прекрасно преодоление, снятие этой безграничности. Светлячок позволяет это сделать, и в этом заключается его ценность.

Но раскрыть этот аспект ребенку очень сложно, потому что красота – это не информация, которую можно сообщить, это нечто, что следует каждому участнику беседы ощутить самому. Быть может, после беседы будет хорошо показать изысканный спектакль теневого театра, который благодаря условности своих форм идеально удовлетворяет этой цели. Но так как теневой театр очень архаичен, его изготовление трудоемко, то можно просто предложить детям подобрать какую-нибудь очень нежную прозрачную мелодию для иллюстрации темы светлячка в предполагаемом музыкальном спектакле. Может подойти, например, серенада Йозефа Гайдна.

